

ГРАН-ПРИ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ПРЕМИИ ЖУРНАЛА ELLE

Якуб Шамалек

Выбор за тобой

роман

Иногда лучше не знать,
кто управляет твоей жизнью

CoRpus

18+

Якуб Шамалек

Выбор за тобой

<https://litres.ru/69346477>

Выбор за тобой: АСТ: CORPUS; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-145018-2

Аннотация

На одной из варшавских улиц произошла авария: погиб актер Рышард Бучек, ведущий популярной детской программы. Все указывает на то, что он потерял контроль над автомобилем. Однако у начинающей журналистки Юлиты Вуйчицкой возникает подозрение, что кто-то помог телезвезде покинуть этот мир. Юлита получает анонимную угрозу держаться подальше от этой истории, но решает ее проигнорировать... Ее жизнь летит под откос, но это лишь укрепляет девушку в решимости узнать правду. Чем дальше журналистка продвигается в своем расследовании, тем больше шокирующих фактов она узнает не только о Бучеке, но и о том, как устроен интернет и как можно сломать жизнь любому из нас с помощью одной вредоносной программы. Детективный триллер Якуба Шамалека держит читателя в напряжении до последней страницы, а кроме того, заставляет всерьез задуматься о проблеме информационной безопасности.

Используется нецензурная брань.

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Предисловие	5
1	6
2	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Якуб Шамалек

Выбор за тобой

Моей большой сестренке Агнешке

Jakub Szamałek
Cokolwiek wybierzesz

© by Jakub Szamałek, 2019

©by Grupa Wydawnicza Foksal, 2019

© М. Алексеева, перевод на русский язык 2023

© ООО “Издательство АСТ”, 2023

Издательство CORPUS®

Предисловие

Это не научно-фантастический роман.

1

Ну и времена пошли, подумал Чеслав Комар, глядя в зеркало заднего вида своего старенького “мерседеса”. Раньше с пассажирами хоть поболтать можно было. Порой о серьезных вещах, порой – что уж греха таить – о всякой ерунде, но какое-никакое человеческое общение, какая-никакая связь. А теперь все только пялятся в свои телефоны, как будто его тут вообще нет, а такси едет само. Этот вот даже слова не сказал, мол, много чести. Сидит себе и тычет в телефон, скоро дыру в нем протрет, а вид такой, будто неделю не спал. Нет, не удержусь.

– И что ж у вас там такого интересного в телефоне?

Пассажир молчал. Глухой, что ли? А может, иностранец? Такая мысль в голову не пришла, а ведь тип выглядит и правда странновато.

– Скажем, музыку слушаю, – ответил наконец мужчина, не отрывая взгляда от экрана. – Помедленнее, пожалуйста.

Музыку? Удивился Чеслав Комар, слегка нажимая на тормоз. А почему же тогда ничего не слышно? И наушников нет. В голове, что ли, у него музыка играет? Он что, провода себе туда засунул? Но больше Комар вопросов не задавал. Было в голосе мужчины нечто, от чего желание вести с ним беседы пропадало.

Леон Новинский чувствовал, что соус хот-дога протекает на дно бумажного пакета. Еще чуть-чуть – и соус потечет на манжету отутюженной рубашки. Леон с трудом запихнул остатки хот-дога в рот, бросил липкий от горчицы пакет на пол и вытер руку о пассажирское кресло. “Больше никогда, – мысленно пообещал он себе, глотая тошнотворное месиво, – никогда не буду откладывать будильник”.

– Привет, привет, Варшава! – раздался веселый голос из радиоприемника. – Как вы там? Уже на работе? Надеюсь, что да, потому что машин на дорогах прибывает. На улице Марса и Пулавской уже пробки, там вы потеряете минимум пятнадцать минут. Снять ногу с газа придется и на аллее Примаса Тысячелетия¹...

Услышав знакомое название, Леон машинально взглянул, что творится на другой стороне дороги. На аллее и правда уже образовалась пробка. Сотни автомобилей, точно гигантский ледник, ползли в сторону центра, неистово сигналив машинам, вливающимся в поток из боковых улочек.

К счастью, Леон ехал в противоположном направлении, в сторону районов Таргувек и Жерань. Там высились многоэтажки с фасадами невнятных цветов, а ветшающие фабрики оккупировали различные конторы, названия которых непременно оканчивались на “екс” или “пол”. Леон работал

---

¹ “Примасом тысячелетия” в Польше называют кардинала Стефана Вышинского (1901–1981). Благодаря ему в 1966 году в коммунистической Польской Народной Республике широко отмечалось Тысячелетие крещения Польши. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

в одной из них, фирме под названием *DietPol*. И если верить навигатору, он будет на месте в 07:59. То есть примчится на собрание весь в мыле, зато вовремя.

Леон “пришпорил” свою верную “шкоду” (1996 года выпуска, канареечно-желтого цвета, ароматизатор-елочка на зеркале) и въехал на трассу S8. Парусили брезентовые кузова грузовиков, из-за серых шумозащитных экранов торчали кресты и скорбные ангелы военного кладбища, по надземному переходу катили велосипедисты в светоотражающих куртках. Леон быстро перестроился в левый ряд. Спидометр показывал сто десять, а через секунду сто двадцать километров в час – превышение тридцать километров.

Леон тихо выругался. Он терпеть не мог нарушать правила. Ладно еще, если есть серьезная причина. Будь сегодняшняя встреча важной – куда ни шло. Но ведь *DietPol* – не больница, где проводят пересадку сердца, и даже не юридическая фирма, где адвокаты продумывают линию защиты невиновного клиента. Нет, *DietPol* был производителем низкокалорийных закусок и напитков, а темой дня была новая этикетка для сока из квашеной капусты, над которой трудился Леон. Последняя версия этикетки начальству не понравилась. “Какая-то никакая, – поморщился Михал, занимающий должность с громким названием продакт-менеджер, – нам нужно что-то посовременнее, помолодежнее”. Молодежный сок из квашеной капусты – Леон скривился от одного только воспоминания. Вот уж действительно, загнивающая западная ци-

визация.

Желтая “школа” въехала на мост Грота-Ровецкого. Леон взглянул в сторону центра: небоскребы, окружавшие Дворец культуры, были едва различимы. Смог над городом с каждым днем сгущался и предвещал приближение осени неумолимее, чем краснеющие листья.

Леон повернул на съезд на Ягеллонскую улицу – и вдруг подпрыгнул в кресле, услышав сзади громкое, настойчивое бибикание. Прямо за ним ехал дорогуший джип: черное матовое покрытие, именной номер WO MINDAL. Снова загудел клаксон, моргнул дальний свет – международный сигнал для “прочь с дороги” и “я придурок”.

– Ты что, не видишь, что рядом автобус, кретин! – заорал Леон, щурясь от яркого света. – Куда мне съезжать, а?!

Сзади бешено сигналили и моргали. Вообще-то Леон был мужчина вежливый и воспитанный: даже в спешке придерживал двери незнакомым людям, жертвовал деньги на благотворительность, покупал яйца только от кур свободного выгула. Но на сей раз он не сдержался.

– В жопу меня поцелуй, мудила! – крикнул он, а затем открыл окно и выставил средний палец. В зеркале было видно, как водитель джипа, мужик лет пятидесяти, в модном свитшоте с асимметричным верхом, орет и долбит кулаком по приборной доске. Леон довольно улыбнулся. Да хоть оберись ты, придурок.

Джип взревел, ускорился и опасно приблизился к “шко-

де”, едва не коснувшись ее бампера. Леон вжал педаль газа в пол, но куда было его машинке соревноваться с черным монстром, мчавшимся со скоростью двести километров в час.

– Черт... – охнул Леон. – Он же в меня врежется!

К счастью, водитель автобуса на соседней полосе, должно быть, заметил, что происходит, потому что резко затормозил, тем самым позволив “школе” уйти вправо. Леон крутанул руль и съехал с пути сигналившего джипа, чудом избежав столкновения.

Леон судорожно искал в сумке телефон, не отрывая взгляда от удаляющейся машины. Ключи, офисная карта, книжка, жевательная резинка... Наконец нащупал стеклянный экран смартфона. Достал его, набрал три цифры, 1-1-2, нажал зеленую трубку.

– Ну погоди, убудодок, – бурчал себе под нос Леон. – Ты еще пожалеешь, что...

Слова застряли у него в горле. Черный джип не стал поворачивать, а помчался прямо и на полной скорости врезался в ограждение. Грохот, скрежет, искры. Автомобиль весом в несколько тонн проломил ограждение и рухнул вниз на Ягеллонскую улицу.

Леон на автомате остановил “шкоду” и вышел из машины. Он недоверчиво смотрел на искореженный джип, лежащий посреди стеклянных осколков. Мимо него с огнетушителем в руках пробежал водитель автобуса, его красный галстук трепыхался на ветру.

– Алло! Алло! – женский голос вырвал Леона из оцепенения. – Это номер сто двенадцать, говорите!

– Я хотел... – Леон нервно сглотнул. – Я хотел сообщить об аварии.

Юлита Вуйчицкая смотрела на буквы на экране компьютера. Буквы упорно светились зеленым. Плохо.

– Ну, давай, давай... – шептала она, вертя в пальцах обгрызенный карандаш.

– А я тебе говорил, – сидящий рядом Пётрек отпил чаю, после чего вытер модные усики. – Даже наши читатели не поведутся на такой топорный кликбейт.

– Ха! – Юлита победно вскинула руки над головой. – Смотри!

Фон под заголовком стал красным. Значит, за последнюю минуту по меньшей мере тысяча пользователей перешли по ссылке и открыли статью Юлиты под драматическим названием “ИЛОНА ЗАЙОНЦ ПОКАЗЫВАЕТ ФОТОГРАФИИ В БИКИНИ: Я НЕ БУДУ МОЛЧАТЬ, КОГДА ХЕЙТЕРЫ ОБЗЫВАЮТ МЕНЯ ТОЛСТУХОЙ [ФОТО]”. А это означало, что текст появится не только в малопопулярном разделе “Культура”, но и на главной странице портала.

Пётрек ничего не сказал, лишь театрально вздохнул и отвернулся к своему компьютеру. Юлита понимала его раздражение. За последнюю неделю ему не удалось написать ни одного кликабельного текста. Его статьи “ПОСМОТ-

РИ, КАК ИЗМЕНИЛИСЬ ЗВЕЗДЫ «КЛАНА»», “ЖУТКОЕ ОТКРЫТИЕ ГРИБНИКА”, “МИШКА КОАЛА КАТАЕТСЯ НА САНКАХ” светились зеленым, а иногда, о ужас, голубым, что означало полное отсутствие интереса со стороны пользователей. Хуже того: над каждым текстом Пётрек корпел часами, без конца менял порядок слов, подыскивал синонимы и неизбитые выражения. А Юлита настрочила материал об Илоне Зайонц за пятнадцать минут, с перерывом на перекур.

Девушка встала из-за стола, потянулась и отправилась на кухню. Красный текст есть – можно выдохнуть: дневную норму она выполнила. В дешевом чайнике, изнутри обросшем накипью, забулькала вода, кофейные гранулы растворялись в кипятке, распространяя приятный аромат. Юлита взяла в руки ярко-красную чашку с фиолетовой надписью MEGANEWSY.PL, сделала глоток кофе и окинула взглядом офис.

С десяток белых столов, гудящие компьютеры, клацание мышек и голубоватое свечение, отражающееся в стеклах очков. На стене два больших монитора, один из них показывал главную страницу портала с наложенной тепловой картой, которая с помощью цвета определяла популярность конкретных текстов; второй – круглосуточный новостной канал. В противоположном конце три отгороженные стеклянными стенами комнаты (начальство, кадры, компьютерщики), в углу – принтеры и сканер, за окнами – улица Кибернетики и

пасмурное небо в ажурных стрелах башенных кранов.

Карьеру журналиста Юлита представляла себе совсем иначе. Она мечтала работать в каком-нибудь известном издании: “Газете Выборчей”, “Политике”, “Ньюсвике”. Жаркие споры на утренней планерке, сдача материала в три часа ночи, встречи с политиками в утопающем в сигаретном дыму ресторане при Сейме², анонимный информатор в плаще, выкладывающий папку с данными на липкий барный столик, – что-то в этом роде. Она даже устроилась куда-то на стажировку, правда бесплатную. Три месяца перекладывала бумаги, приводила в порядок архивы и модерировала форумы в интернете в надежде, что ее кто-нибудь заметит, возьмет под крыло. Но в крупных изданиях стажеров и так хватало, в том числе из золотой варшавской молодежи с влиятельными родителями. На их фоне Юлите, девушке из кашубского городка Жуково в шмотках из секонд-хенда, ловить было нечего.

Потом она увидела объявление от портала *Mega-newsy.pl*. Искали журналиста в отдел “События”, обещали молодой коллектив, /конкурентоспособную зарплату, интересные командировки. Редакция в модном офисном здании, главный редактор сразу перешла с ней на “ты”, смеялась ее шуткам. Казалось, вакансия мечты.

Разумеется, стоило ей приступить к работе, как иллюзий поубавилось. Вопреки ожиданиям Юлиты, отдел “События” не интересовали, скажем, пожары в Греции или выборы в ор-

---

² Нижняя палата парламента Республики Польша.

ганы самоуправления. Под событиями здесь понимали просвечивающее платье на малоизвестной актрисе или новое селфи победительницы последнего сезона очередного телешоу. В общем, Юлита попала в желтое интернет-издание, измерявшее успех исключительно количеством просмотров сайта, а точнее, размещенной там рекламы. А коллектив? Да, молодой... и неопытный. Зарплата могла конкурировать разве что с такими же жалкими зарплатами в прочей бульварной прессе и зависела от показателей, а вдобавок с Юлитой заключили срочный договор.

Но она не жаловалась: в отличие от большинства сокурсников (факультет журналистики и социальной коммуникации Университета социальных и гуманитарных наук) она все-таки зарабатывала на жизнь пером. Гордиться публикациями не приходилось, зато писала она легко, и у нее явно был талант. А кроме того... в состав медиахолдинга ITVV, владельца “Меганьюсов”, входили и другие издания, в том числе влиятельный и солидный еженедельник “Попшек”, занимавший офис этажом выше.

Юлита допила кофе, вымыла чашку старой вонючей губкой, которую никому не хотелось менять, и вернулась за свой стол. Уселась по-турецки на скрипучий стул, вставила в уши наушники и принялась листать профили звезд второй и третьей величины в поисках новой темы.

Рядовой Радослав Гральчик шел по мокрому асфальту,

медленно разворачивая ленту с надписью “ПОЛИЦИЯ” вокруг места происшествия. За его спиной лежал искореженный черный джип. Автомобиль рухнул на проезжую часть с высоты пятнадцати метров, перевернулся в воздухе и упал на бок. Водитель не выжил. Он не мог выжить.

Но рядовой Радослав Гральчик не обращал внимания на груды металла, на хрустящее под тяжелыми ботинками стекло, на запах машинного масла, бензина и крови. Во-первых, потому что он работал в дорожной полиции третий год и успел насмотреться аварий, пускай и не таких зрелищных, как эта. Во-вторых, мыслями он был далеко.

“Вот дерьмо, – выругался он, шагая по сверкающему от голубого света мигалок асфальту, – и как теперь быть?” Его жена Алиция уже некоторое время чувствовала себя не очень. У нее болела голова, постоянно хотелось спать, пропал аппетит. Поначалу они решили, что это какой-то грипп, осенняя хандра или, скажем, переизбыток глютена в рационе. Пока, наконец, кто-то из них вслух не произнес то, что давно вертелось на уме у обоих: а вдруг Аля беременна? Она принимала противозачаточные таблетки, поэтому шансы были ничтожны, но... Когда в то утро она вышла из ванной в слезах, нервно теребя пояс халата, он уже знал, что показал тест: две полоски. А ведь все это время Аля пила алкоголь, курила, принимала кучу лекарств... Потом они вычитали, что, возможно, как раз антибиотики и нарушили действие контрацептивов. Ничего не поделаешь, ви-

нить, кроме самих себя, было некого, ведь любая реклама лекарств заканчивается предостережением-скороговоркой: *не редупотреблениемследуетознакомитьсясинструкцией*.

Даже с одним ребенком они еле-еле сводили концы с концами. Он зарабатывал смехотворно мало, а Аля – учительница географии в техникуме – и того меньше. Жили они в однушке, доставшейся ему по наследству от бабушки, буквально друг у друга на головах: сидя втроем за столом в микроскопической кухне, задевали друг друга локтями. Аля предложила переехать обратно к ее родителям, в их дом в Яблонне. Радослав решительно отверг предложение, употребив выражения, которые не пристало произносить сотруднику службы правопорядка.

Оставался еще один выход: аборт. Слово, которое в Польше произносят только шепотом, только дома, не глядя друг другу в глаза, повернувшись спиной к висящему на стене распятию. Еще вчера Радослав был ярким противником подобных операций. А сегодня утром уже подсчитывал, во сколько им обойдется поездка Али в клинику в Чехии³. Ответ был неутешительный: на поездку уйдет гораздо больше денег, чем оставалось на их сберегательном счету. А время шло...

Три тысячи злотых. У Радослава была неделя на то, чтобы

---

³ В Польше действует один из самых строгих в Европе законов об абортах. Аборты запрещены за исключением случаев, когда беременность угрожает жизни матери или наступила в результате изнасилования.

раздобыть деньги. Если не получится – можно уже заполнять заявление на программу “500+”⁴. Но где взять столько бабла? Он даже готов был просить помощи у Бога, но повод все-таки был не самый подходящий.

– Эй, Радек! – окликнул напарника Ярек, вечно улыбающийся парень с румянцем во всю щеку. Он сидел на корточках возле джипа и заглядывал внутрь. – Иди-ка сюда!

Рядовой Радослав Гральчик привязал конец ленты к фонарному столбу и подошел к разбитой машине. Из окна торчала рука погибшего: на ней поблескивали дорогие часы, секундная стрелка подрагивала на одном месте.

– Чего там? – в тоне Гральчика звучало скорее нетерпение, а не любопытство.

– Взгляни, – гордо сказал Ярек, точно фокусник, который вот-вот достанет кролика из шляпы. – Узнаешь чувака?

Радослав Гральчик заглянул внутрь. Казалось, мужчина, вжавшийся в подушку безопасности, сладко спит. И только при взгляде на раздавленные ноги и окровавленную рубашку становилось понятно, что от этого сна ему уже никогда не очнуться. Гральчик внимательнее взглянул на его лицо. Чуть вздернутый нос, крупные полные губы, родинка, спрятавшаяся в бровях... А ведь и правда, где-то он его уже видел.

– Погоди, погоди, – его вдруг осенило. – А это не тот тип с телевидения? Бочек?

---

⁴ Стартовавшая в 2016 году государственная программа помощи семьям с детьми.

– Бучек! Рысек Бучек! – заулыбался в ответ Ярек. – Прикинь? Интересно, куда это он так торопился...

Гральчик уже не слушал. Он встал, отряхнул руки, быстрым шагом направился в сторону припаркованной на обочине патрульной машины.

– Эй! Ты куда?

– Перекурить, – сказал рядовой Гральчик и достал из кармана телефон.

Юлита сидела и размышляла, что бы ей такого написать. Она уже усвоила, что лучше всего кликаются статьи одной из трех категорий: “пух и прах”, “шок и недоверие” и “догадки и домыслы”. Проще всего писать тексты первой категории. Берем чей-нибудь двусмысленный, занятный или даже обычный комментарий – скажем, Гертых проехался по Куртеку или Розенек-Майдан по Гретковской⁵ – и снабжаем цитату шаблонной формулой: “Вы просто обязаны это прочитать! X разнес Y в пух и прах”. А поскольку знаменитостей было как грязи – актеры, певцы, политики плюс финалисты всевозможных реалити-шоу и фитнес-тренеры, – да к тому же у каждого был аккаунт в соцсетях и каждый мечтал прославиться, то подобные тексты можно было выдавать пачками, главное – почаще пользоваться командами “*ctrl + c*” и

---

⁵ Скандальные конфликты между политиками Романом Гертыхом и Яцеком Куртеком, а также ведущей Малгожатой Розенек-Майдан и писательницей Мануэлой Гретковской не раз оказывались в центре внимания польской бульварной прессы.

“ctrl + v”.

Писать статьи из разряда “шок и недоверие” тоже было не сложно, вот только материал требовался посолиднее. После фотографий сияющей мамы Мадзи, восседающей верхом на лошади в бикини, удивить читателей стало сложновато⁶. Но и желтой прессе периодически перепал по-настоящему лакомый кусочек: то поезд врезался в автобус или автобус в поезд, то кто-то кого-то зарубил топором. Тогда нужно было быстро выложить материал на свою страницу, добавить красный капслок, восклицательные знаки, фотографию крупным планом. А потом сидеть и пожинать клики.

Ну и наконец, “догадки и домыслы”, то есть статьи, играющие на читательском честолюбии. Здесь было вообще все равно о чем писать, главное – добавить в конце фразу: “Вы ни за что не догадаетесь!”, “Никому не догадаться!” или, как вариант, “Интересно, а вы догадаетесь?” Вроде все просто, но нужно было чувствовать читателя, понимать, что его цепляет, а что нет. В категорию “догадки и домыслы” попадали еще и тесты: о мексиканской кухне, тропических фруктах или хомяках – неважно. Заполучить заветный клик можно было тремя способами: бросить читателю вызов (“Интересно, сумеете ли вы набрать максимум очков!”), пообещать ему помощь (“С нашими подсказками вы точно справи-

---

⁶ “Мама Мадзи” (Катажина Васьневская) – жительница Сосновца, которая убила свою шестимесячную дочь, спрятала ее тело и попыталась обставить содеянное как похищение. В 2013 году приговорена к двадцати пяти годам тюрьмы. Постоянный персонаж желтой прессы.

теть!») или внушить ему уверенность, что он проведет время с пользой (“Разминка для мозга по понедельникам”). Тесты кликались стабильно – кому ж не хочется почувствовать себя умным? – но на их составление уходило много времени, минимум час-два, поэтому соотношение плюсов и минусов было не таким уж очевидным.

В любой категории шансы на успех повышали фотографии, поэтому в конце заголовка писали капслоком “ФОТО”, а еще лучше “МЕМЫ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ”. Разумеется, подбирать фотографии приходилось тщательно, с учетом интернет-версии пирамиды Маслоу: снизу сиськи, в середине кровь, а на самом верху котики.

После минутных раздумий Юлита решила сострять тест на тип личности, из серии “Какой ты город/автомобиль/стручковый плод”? Здесь можно было дать волю фантазии, поиграть в психолога и даже попробовать себя в жанре абстрактного юмора в духе Монти Пайтона. Но не успела Юлита дописать самый первый вопрос, как услышала голос своей начальницы, Магды Мацкович.

– Вуйчицкая! В мой кабинет, прыжками!

Юлита встала и послушно направилась в сторону помещения со стеклянными стенами. Мацкович, как обычно, делала сто дел одновременно. Разговаривала по телефону, зажав его плечом, потому что руки у нее были заняты: в одной она держала ручку и что-то торопливо записывала, а второй сжимала резиновый мяч. При этом она не спускала глаз с те-

левизора, включенного на канале TVN24, а ногой в оранжевом кеде пыталась стереть с пола пятно от кофе.

Юлита присела напротив стола Мацкович и ждала, пока та закончит говорить по телефону. За неимением лучшего занятия взглянула на телевизор. Полоска внизу экрана белая, значит, ничего заслуживающего внимания не происходит. В студии сидели штатные эксперты, разбирающиеся примерно во всем, пророки, от которых у будущего не было тайн. Сейчас они спорили о Верховном суде, но что конкретно они говорили и какие диагнозы ставили, сказать было невозможно, ведь звук был выключен.

– Пятнадцать минут, да? – Мацкович почесала карандашом в затылке. – Ладно... Ладно... Понятно.

Юлита взглянула на Мацкович. Та, как всегда, была модно одета: рваные джинсы, блузка с красивым принтом и очки в грубой фиолетовой оправе. И, как всегда, у нее был слегка помятый вид: красные глаза, невымытые стянутые в хвост светлые волосы, облезший лак на ногтях.

– Ага... Ага... – Юлита знала этот тон: Мацкович уже теряла терпение и хотела побыстрее закончить разговор. – Ну давайте так. Да, да... До свидания.

Главредша положила телефон рядом с двумя другими. Мобильники беззвучно вибрировали и подскакивали на столешнице; при их виде вспоминались выброшенные на берег рыбы, отчаянно пытавшиеся вернуться в воду. Мацкович одним глазом проверила, кто звонит, и решив, что звонок

неважный, повернулась к Юлите.

– Слушай... Ты не против, если я сцежусь? Дело срочное, а я больше не могу...

– Конечно, – натянуто улыбнулась Юлита.

– Уф-ф, спасибо... – Мацкович достала из ящика письменного стола молокоотсос и задрала блузку. – Еще минута, и я бы лопнула.

Молокоотсос зашипел и засвистел, словно респиратор Дарта Вейдера, а Мацкович выдохнула с явным облегчением. Недавно она родила второго ребенка, мальчика. Все, включая замдиректора Адама, были уверены, что ее не будет по меньшей мере полгода, а может, даже год, но Мацкович вернулась спустя три месяца.

– Ну ладно, – начальница откинулась на стуле. – Ты слышала об аварии на Ягеллонской?

– Конечно. Пётрек написал о ней в раздел “Варшава”.

– Ага, вот только оказывается, это тема для главной, – победно улыбнулась редактор. – Нам поступила информация от анонимного свидетеля. Знаешь, кто сидел за рулем? Рышард Бучек.

– Ого...

– Мы наняли фотографа, он уже на месте. Говорит, мы получим фотографии через пятнадцать минут.

Мацкович приставила молокоотсос ко второй груди, скривилась от боли.

– И больше об этом никто не знает?

– Нет.

– Даже “Факт” и “Суперак”?

– Пока нет... Но это вопрос времени. Готова поспорить, что тот тип из агентства продаст им снимки, как только получит деньги от нас. Поэтому нужно поторапливаться... И поэтому статью об этом напишешь ты.

– Да я бы с удовольствием... – Юлита засомневалась. – Но ведь Пётрек уже в теме, он в курсе всех подробностей, так что, может, лучше поручить это ему...

Мацкович извлекла молокоотсос из-под блузки и водрузила его на письменный стол. Юлита отвела взгляд. По непонятной причине вид человеческого молока вызывал у нее отвращение. Было в нем что-то животное, не вписывающееся в мир компьютерных экранов и стеклянных небоскребов.

– Пётрек полдня будет думать над причастными оборотами. У нас на это времени нет. Сейчас десять минут двенадцатого... Фотографии ты получишь примерно в одиннадцать двадцать. Готовый текст должен висеть на главной в одиннадцать тридцать. Слов двести, максимум триста. Ясно?

– Но...

– Никаких но. За работу.

Юлита кивнула и встала. Уже на пороге услышала голос начальницы.

– Юлита?

– Да?

– Больше не пытайся строить из себя хорошую подругу, –

произнесла редактор, не отрываясь от телефона. – Тебе тут никто за это спасибо не скажет.

Рядовой Радослав Гральчик разгладил бланк, прикрепленный зажимом к темно-синему планшету из кожзама, и уставился в заголовок: **ПРОТОКОЛ ОСМОТРА МЕСТА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ**. Заполнив его в сотый раз, он отправился с сослуживцами на пиво. Заполнив в тысячный – всерьез задумался об увольнении.

Полицейский отрегулировал спинку кресла, опустил стекло на три сантиметра, а затем поднял на два, после чего достал из бардачка карандаш и самозабвенно точил его, пока тот не превратился в идеальный конус. Наконец, поймав на себе взгляд сидящего рядом Ярека, приступил к заполнению.

Осмотр начат в: 8:22 утра, 15.10.2018. Изменялось ли положение (транспортных средств, пострадавших, предметов) до начала осмотра: нет. Принятое направление осмотра: север. Начальный пункт осмотра: канализационный люк под номером К1238. Участок места аварии: съезд вправо. Тип дорожного покрытия: асфальт. Дорожное покрытие: ровное. Действующее ограничение скорости: 60 км/час.

Затем настал черед “Описания дорожно-транспортного

происшествия и следов столкновения”. Рядовой Радослав Гральчик зевнул, потер глаза и продолжил писать, используя заученные фразы и выражения. “По распоряжению дежурного VI отделения полиции района Прага Северная совершен выезд на улицу Ягеллонскую, 65/57. На месте присутствовало лицо, сообщившее о дорожном происшествии: Леон Здзислав Новинский, сын Яна и Анны, паспорт ..... ставший свидетелем дорожно-транспортного происшествия с участием Рышарда Бучека, сына Вальдемара и Халины... Транспортное средство: Jeep Grand Cherokee, цвет черный, номерной знак WO MINDAL, год выпуска 2014...”

– Смотри-ка, – буркнул Ярек, выглядывая в окно. – Стервятники слетелись.

Радослав Гральчик взглянул в ту же сторону. На противоположной стороне проезжей части, сразу за сигнальной лентой, стоял мужчина в черной непромокаемой куртке. В руках он держал фотоаппарат с огромным объективом. У Гральчика вдруг сдавило желудок, кровь отлила от лица. К счастью, Ярек этого не заметил.

– Он наверняка знает, что это был Бучек. Обычное ДТП фотографировать бы не стал.

– Кто-то слил им информацию... – Гральчик склонился над протоколом, потер нос кончиком карандаша. – Видать, парни со “скорой”...

– Павулонщики хреновы...⁷ – Ярек отложил в сторону

---

⁷ В начале 2000-х благодаря расследованию журналистов “Газеты Выборчей”

планшет с незаконченным наброском места аварии, открыл дверь и выставил ногу. Штанина задралась, обнажив бледную икру, сдавленную полиэстеровым носком.

– Ты куда?

– Документы у него проверю. Кто-то должен поставить их на место.

– Ага, – хмыкнул рядовой Гральчик. – А потом они снимут, как мы на патрульной машине едем в “Макдак”, как это было с ребятами из второго отделения, – и получи скандал на всю Польшу. Слушай, угомонись уже... И вообще я уже почти закончил.

Ярек, знавший меню “Макдональдса” наизусть, на мгновение застыл, не убирая ноги из лужи, а потом поднял ее и захлопнул дверь так, что затряслась вся машина. Он что-то еще бормотал о шакалах и лживых газетенках и о том, что пора бы уже правительству национализировать СМИ, но Радослав Гральчик его не слушал. Он не мог дождаться, когда наконец допишет рапорт, вернется в отделение, сядет за компьютер и проверит свой банковский счет.

“Вследствие проведенной со свидетелем беседы следует, – продолжал писать Гральчик, – что водитель транспортного средства значительно превысил разрешенную скорость и, утратив контроль над автомобилем, врезался в защитное

сотрудников службы скорой помощи города Лодзь обвинили в умышленном убийстве пациентов с помощью препарата “Павулон” с целью продажи информации похоронным бюро (т. н. дело “охотников за щуками”).

ограждение...” Потом он добавил пару слов о состоянии автомобиля (обширные повреждения кузова и шасси) и пострадавшего (зафиксирована смерть на месте) и наконец завершил протокол фразой, которую каждый уважающий себя польский гаишник готов процитировать по памяти в любое время дня и ночи: “Осмотр завершен в неизменившихся погодных условиях”.

Гральчик поставил точку, передал протокол Яреку на проверку и подпись. Сколько же лишней бумаги, подумал он, сколько лишних слов. Будь его воля, он описал бы происшествие гораздо короче: богатый мудила решил, что раз у него охрененная тачка, значит, он охрененный водитель, но ошибся. Хорошо еще, что внизу никто не ехал и его охрененный джип разбился об асфальт, а не рухнул на другую машину.

Ярек отдал ему подписанный протокол. Гральчик повернул ключ в замке зажигания, кивнул пожарным и поехал в участок. Фотограф уже испарился.

Юлита на подкашивающихся ногах брела к своему столу. Ей досталась срочная новость, самая что ни на есть *breaking news!* Такого в “Меганьюсах” почти не бывало. Портал не отправлял своих журналистов на места событий, разве что считать событиями премьеру очередной романтической комедии или открытие нового ресторана. Все делалось по интернету или телефону, тексты для раздела “Сообщения” пи-

сали на основе информации от Польского агентства печати или публикаций порталов покрупнее. Конечно, бывало, что и им иногда сообщали нечто этакое по почте, но, как правило, речь шла о событиях малозначимых, если не сказать ничтожных: фотография X без макияжа, Y припарковал свой “феррари” на месте для инвалидов и всякое такое. Но смерть Бучека, да еще и в страшной аварии, – это совсем другое дело, крупный калибр, статья, которую будут цитировать другие порталы... И которую ей нужно написать за двадцать минут.

Юлита села за стол, потеряла виски, попыталась собраться с мыслями. У ее поколения Рышард Бучек ассоциировался только с одним – передачей “Воздушные замки”. Сразу вспоминались воскресные обеды у дедушки с бабушкой: зеленый от мелко порубленной петрушки бульон, свиная отбивная с тертой свеклой, вечно падающей на скатерть, посыпанные сахарной пудрой оладушки с яблоком на сладкое. Потом взрослые оставались за столом поговорить о серьезных вещах, а дети усаживались перед телевизором и включали Второй канал. Ровно в три часа раздавалась песенка, которую Юлита до сих пор помнила наизусть:

И взрослые, и дети
На нашей чудесной планете,
И шалуны, и тихони послушные
Любят строить замки воздушные.
Нежданно и негаданно

Приходят к нам мечты.
И вот уже в волшебный мир
Летим и я, и ты!
Мечты нас в дальний путь зовут —
Ведь приключения там ждут!

Вспыхивали софиты, шипели дым-машины, и на сцене появлялся Рышард Бучек в обшитом голубыми блестками фраке, безумном высоченном цилиндре и с гигантским галстуком-бабочкой в золотой горох. Идея была простая, а по сегодняшним меркам и вовсе примитивная. Раз в неделю в студию приходили трое детей и рассказывали Бучеку (а точнее, пану Миндалю – так звали его персонажа) о своих заветных мечтах. Шестилетний Ясек из Пуцка хотел стать пожарным, восьмилетняя Анеля из Радома мечтала побывать в Австралии, а пятилетний Макс – полететь на Луну.

Пан Миндаль выслушивал детей, задавал смешные вопросы, сверкал глазом в монокле, а затем произносил заклятие, известное каждому польскому ребенку: “Чары-мары, фокус-покус, мое желание исполнись!” – после чего приступал к исполнению желаний. К Ясеку из Пуцка приходили пожарные и показывали, как пользоваться огнетушителем. Анеля гладила доставленного прямо из зоопарка кенгуру, а Максик в костюме космонавта вышагивал по оклеенной фольгой студии, изображавшей поверхность серебряной планеты.

Ничего особенного, но детям нравилось. В начале девяно-

стых “Воздушные замки” смотрели миллионы; на время передачи вымидали детские площадки и дворы. Позже популярность программы стала медленно, но верно таять, однако с эфира ее не снимали. Кто бы ни заправлял телевидением – правые или правые, в силу исторических обстоятельств прикидывающиеся левыми, – каждую субботу пан Миндаль исполнял детские мечты. Мечты с годами менялись (в наши дни мало кто хотел стать пожарным, теперь мальчишки мечтали о карьере рэпера, а девочки – модели), да и с пана Миндаля-Бучека слетел лоск неотразимого дамского угодника, живот его округлился, волосы припорошило сединой, а красный нос однозначно свидетельствовал о том, что актер не прочь исполнить и кое-какие собственные желания.

Сегодня “Воздушные замки” по количеству просмотров обгоняли разве что “Телевизор на диване”, но Рышарда Бучека по-прежнему знали. Ведь эпоха интернета удостоила его своей наивысшей награды – он превратился в мем. Пару лет назад кто-то выложил в Сеть фотографию Бучека в костюме пана Миндаля с подписью: “Фокус-покус, чары-мары, провоняли шаровары”. По необъяснимой причине картинка произвела фурор, и вскоре соцсети накрыла лавина ее клонов с не менее дурацкими рифмованными строчками: “Чары-мары, фокус-покус, расцветает в попе крокус” или “Эне, дуэ, раба, поцелуй прораба”. В отличие от многих интернет-хитов, которые забываются так же стремительно, как появляются, забава со стишками про пана Миндаля набирала

обороты. На Бучека вышел оператор сотовой связи, изо всех сил пытавшийся убедить молодежь в своей крутости, и предложил ему стать лицом сети. С тех пор Бучек превратился в такой же неотъемлемый элемент польского пейзажа, как памятники папе римскому в три четверти его настоящего роста или домики, крытые разноцветным профнастилом. Он улыбался с плакатов и билбордов, из магазинных рекламных проспектов и поп-апов в интернете. “Тарифов лучше не бывает – пан Миндаль уж точно знает!”

Но чем занимался Бучек раньше, до рекламы и телевидения? Юлита помнила, что он был актером, но никак не могла вспомнить, где он играл – впрочем, неудивительно, ведь, как и большинство представителей своего поколения, она презрительно относилась к польскому кинематографу и новому отечественному фильму о национальных травмах предпочитала “Игру престолов” или “Карточный домик”.

Часы в углу экрана показывали 11.14, и Юлита решила, что у нее еще есть несколько минут на поиск информации. Она нашла страницу Бучека в Википедии. Не отрывая взгляда от экрана, выписала основные факты: “Родился в 1965 году, Новый Сонч... Учился на актерском факультете Высшей государственной школы кинематографа, телевидения и театра в Лодзи... Играл в лодзинском театре им. Стефана Ярача и театре «Повшехны» в Варшаве... В кино дебютировал в фильме «Подземная жизнь» (1981), где сыграл роль Вацлава... Лауреат премии Польской киноакадемии за роль ар-

хангела в фильме «Овечки божьи» (2003)...”

Не успела Юлита просмотреть всю фильмографию, как вдруг послышалось тихое *динь*. Новое письмо. Она открыла почту.

от: Яцек Валецкий jacekwalewski@turbofoto.com

кому: Meganewsy_info@meganewsy.pl

дата: 15 октября 2018 11.18

тема: Фотографии с места аварии Бучека

Всем привет!

Отправляю заказанные фотографии. По моему скромному мнению, вышло очень даже неплохо;)

Яцек

Юлита рассматривала фотографии быстро, одну за другой, ведь время поджимало. Пролом в ограждении. Лежащий на боку автомобиль, из разбитого окна посреди подушек безопасности торчит рука. Номер крупным планом. Оторванное колесо крупным планом. Окровавленная ладонь, разбитые часы, вокруг искрятся осколки. Кадр с сигнальной лентой на переднем плане. Пожарные пилами разрезают остов автомобиля. Сноп искр. Патрульная машина на обочине, в ней двое полицейских склонились над бумагами.

Юлита поморгала, словно хотела прогнать навязчивые видения, глотнула холодного кофе. Какую фотографию выложить на сайт? Понятное дело, лучше всего кликаются фотографии с трупом, но она прекрасно знала, что их исполь-

зовать нельзя. В первый же рабочий день Мацкович вбила ей в голову: помни, никаких сисек, никаких покойников. Тогда Юлита была приятно удивлена. Выходит, подумала она, “Меганьюсы” вовсе не такая помойка, как те желтые издания, которые на главной странице выкладывают тела военных журналистов с пулевыми ранениями или разрубленных на куски детей. Значит, есть у них принципы, какое-никакое понятие о приличии. И лишь спустя несколько месяцев она узнала, что все дело не в приличии и не в чести, а в алгоритмах *Google*. Если бы *Google* счел их портал сайтом с порнографическим и/или шок-контентом, “Меганьюсы” немедленно бы удалили из сервиса *AdSense*, а это неизбежно повлекло бы за собой банкротство сайта. “Факт” и “Супер Экспресс”, по-прежнему получавшие львиную долю прибыли от бумажных изданий, просто могли себе позволить игнорировать цензоров из Кремниевой долины. Вот и вся разница.

Выбор Юлиты пал на фотографию, на которой разрезали автомобиль. Пожарные, сидящие перед машиной на корточках, заслоняли руку Бучека, сноп искр привлекал внимание и добавлял ситуации драматизма. На часах было уже 11.21, у нее оставалось девять минут. Юлита сплела пальцы, выгнула их, хрустнув суставами, включила в наушниках *Rammstein* и принялась за работу.

Леон Новинский смотрел на фотографии квашеной капусты. Квашеная капуста в бочке. Квашеная капуста в миске.

Квашеная капуста в банке. Квашеная капуста на тарелке с отбивной. Он прокручивал страницу с картинками в тщетной надежде обрести вдохновение. Проект этикетки, открытый на втором мониторе, – «sok_v22_final.psd» – на данный момент состоял из двух линий и белого фона.

Леон тихо выругался. У него никак не получалось сосредоточиться, ничего интересного в голову не приходило. Придумать этикетку для “молодежного сока из квашеной капусты” само по себе задание не из легких, а сегодня и подавно.

На работу он в итоге добрался только после одиннадцати. Сначала его допрашивала полиция, потом журналисты какого-то местного телевидения. Леон втайне надеялся, что, как только он расскажет начальнику о причине своего опоздания, тот отпустит его домой выспаться и прийти в себя. Но нет. “Леон, дружище, – сказал Михал, продакт-менеджер. – Я все понимаю, ужасно, конечно, но ты же знаешь, что типография в Ольштынеке уже на низком старте. Необходимо отправить им этикетку до конца дня, иначе мы не сдадим продукт в срок, а переносить маркетинговую акцию уже поздно. Так как? Можем мы на тебя рассчитывать?” Вопрос был риторический. Разумеется, да. Леону надо было выплачивать кредит.

И вот он сидел за столом, разглядывал фотографии капусты, а перед глазами у него стоял разбитый автомобиль. Он все еще чувствовал запах крови и машинного масла, слышал грохот металла. Что же там все-таки случилось? Мужик

не просто не справился с управлением. Он даже не пытался свернуть – мчался прямо в ограждение на скорости сто с лишним километров в час. Засмотрелся? Потерял сознание?

Леон потер лоб, провел ладонями по небритым щекам и взглянул на свои наброски. Человечек в форме бочки с квашеной капустой на скейтборде? Монстрик из капусты, отечественная вариация на тему Летящего Макаронного Монстра? Парень и девушка, связанные ниточкой квашеной капусты, которую они держат во рту, в позе собак из “Леди и бродяги”?

Остановился на первом варианте. “Боже мой, – думал он, пририсовывая бочке ноги в кроссовках, – пять лет в Академии изящных искусств, стипендия, премия ректора, выставки, столько труда... А теперь вот это всё”.

– Эй, Леон... – окликнул его Игнаций, спец по рекламе.
– Иди-ка взгляни.

– Не сейчас. Я тут человека-бочку делаю.

– Чего?

– Человека-бочку. Типа молодежно, – Леон пририсовал нос в форме пробки. – У Михала спроси, он тебе объяснит.

– Не, ну я серьезно. Это про твою аварию. Ты слышал, кто сидел за рулем?

– Кто?

– Рышард Бучек. Пан Миндаль.

Леон резко крутанулся на стуле и подъехал к столу Игнация. У того на экране была открыта статья на портале

Meganewsy.pl. Красный капсюль и жирный шрифт, множество восклицательных знаков, а под ними снимки. Слева: черно-белая фотография Бучека времен славы “Воздушных замков”, с цилиндром на голове. Справа: искореженный автомобиль, который Леон несколькими часами ранее видел в зеркале заднего вида.

**ТРАГЕДИЯ! Знаменитый
актер, любимец детей,**

Рышард Бучек († 53 г.)

ПОГИБ В СТРАШНОМ ДТП!!! [ФОТО]

ТОЛЬКО У НАС!!!

Юлита Вуйчицкая

Сегодня утром Рышард Бучек († 53 г.), популярный ведущий телепередачи “Воздушные замки”, погиб в СТРАШНОМ ДТП в Варшаве. На съезде с трассы S8 известный актер сильно превысил разрешенную скорость и врезался в дорожное ограждение. Автомобиль РУХНУЛ С ВЫСОТЫ 15 МЕТРОВ,

машина изуродована ДО НЕУЗНАВАЕМОСТИ! В такой аварии у знаменитого пана Миндаля НЕ БЫЛО ШАНСОВ ВЫЖИТЬ. Полиция констатировала СМЕРТЬ НА МЕСТЕ, а пожарным пришлось применить БЕНЗОПИЛЫ, чтобы извлечь тело!

Известие о смерти актера станет ударом для его жены, актрисы Барбары Липецкой-Бучек (40 лет), сыгравшей в сериале “Бабье лето”, и сына Рафала (13 лет). Редакция портала MEGANEWSY.pl приносит им свои соболезнования.

Леон не дочитал статью до конца. Молча вернулся за свой стол.

– Ну? – слегка разочарованно спросил Игнаций. – Ничего не скажешь?

– Жаль мужика, – ответил Леон, приделывая бочке с квашеной капустой широченную улыбку. – А статья омерзительная.

Юлита нажала “обновить”. И еще раз. И еще. Каждый раз под статьей появлялись новые комментарии. Их количество уже перевалило за тысячу: слова сожаления (bubu433: “Не верю! Пан Миндаль – это мое детство... Черт, ужасно грустные новости;-/”), соболезнования (aga.pomogze: “Пани Бася, держитесь. Щецин зажигает свечи для пана Рышарда [‘] [‘] [‘]”) и, разумеется, оскорбления, куда же без них (prosto_z_mostu: “Подох проплаченный актеришка, а не хер было деньги у либерастов брать!”, graffdomoffny: “Хреновы

патриоты и мертвому покоя не дадут!”). Оскорбления появлялись под любым текстом: о собаке, умеющей кататься на скейтборде, о японце, собравшемся жениться на роботе, или о тыкве-гиганте из штата Айдахо. Оскорбления давно стали неотъемлемой частью польского интернета, как прикрытое размокшей туалетной бумагой дерьмо на берегу живописного озера или мозаика из пестрых рекламных щитов на выезде из города.

Как бы то ни было, текст о смерти Бучека кликался так, что дымились сервера. Тему подхватили конкуренты, расплодившиеся желтые газетенки, за ними “Супер Экспресс” и “Факт”, и даже серьезные “Газета Выборча” и “Политика”. Правда, мало кто ссылался на первоисточник, не говоря уже об упоминании имени автора, но осознание, что именно она, Юлита Катажина Вуйчицкая из городка Жуково, разогнала всю эту медийную махину, наполняло ее сердце гордостью. Несмотря ни на что.

– Пять тысяч лайков, тысяча с лишним репостов... – Пётрек восхищенно покачал головой. – Ну и ну, Вуйчицкая. Поздравляю. Еще чуть-чуть – и Пулитцер твой.

Юлита улыбнулась и поблагодарила, хотя не была до конца уверена, шутит Пётрек или издевается. Она ведь прекрасно понимала, что сама статья была бездарным набором штампов и кричащих прилагательных. В универе за такой текст ее подняли бы на смех... Да даже учительница польского в школе, пусть земля ей будет пухом, поставила бы за

него кол с минусом, а то и с тремя... Но, как любила говорить главред Мацкович, задача журналиста – писать статьи, которые люди читают, а не которые они должны читать.

Собственно, теперь Мацкович воплощала этот принцип в жизнь. Если народ хочет Бучека, нужно дать ему Бучека. Много и быстро. Весь коллектив получил задание писать тексты о нем: комментарии друзей Бучека, лучшие роли Бучека, худшие роли Бучека, жена Бучека, сын Бучека, пес Бучека и хомячок Бучека, что угодно, лишь бы с Бучеком. Несколько фраз, фото и текст размещались в боковой колонке портала, где они генерировали столь ценные клики, валюту интернет-журналистики.

Под конец дня активность на портале снизилась. Нет, у людей не пропал интерес к трагической гибели актера, просто тему перехватили игроки покрупнее: у них было гораздо больше читателей, больше каналов продвижения, больше денег на приобретение снимков Бучека из частных коллекций. Тема перестала быть эксклюзивной.

– Спасибо всем за отличную работу, – торжественно произнес замначальника Адам на вечернем заседании. От его выступлений, как всегда, неудержимо тянуло зевать. – Сегодня мы зафиксировали триста с лишним тысяч просмотров и почти сто тысяч уникальных посетителей. У нас появились новые подписчики во всех соцсетях: “Фейсбуке”, “Твиттере”, “Инстаграме”⁸. Тему Бучека уже всю эксплуатируют,

---

⁸ * *Meta Platforms Inc.*, которой принадлежат *Facebook* и *Instagram*, признана

но еще денек мы вполне можем на ней посидеть. Кто приходит утром? Пётрек? Ладно... “Супер Экспресс” собирается выложить интервью с вдовой Бучека. Как только они выложат его у себя, я хочу, чтобы текст об этом был на главной у нас, ясно? Ну все, молодцы, хорошо поработали. Спокойной ночи и до свидания.

Офис начал пустеть. Гасли мониторы, пикал турникет на выходе, хлопали двери. Пани Халина, уборщица с увядшим лицом и золотым сердцем, елозила пылесосом по ковровину, бормоча что-то себе под нос. Наталия, оставшаяся на ночное дежурство, заливала кипятком растворимый суп – по офису разносился аромат глутамата натрия.

Юлита все еще сидела за компьютером. Пора бы уже собираться домой, но на Маринарской все еще пробки, а к тому же... Она никак не могла справиться с силами и закончить этот день, поставить в нем точку. Текст о Бучеке стал главным успехом в ее карьере. Да-да, тему ей преподнесли на блюде, она даже не видела аварии своими глазами, но... Впервые с тех пор, как она устроилась в “Меганьюсы”, у нее зашкаливал адреналин, впервые у нее было чувство, будто она прикоснулась к настоящей журналистике. Осознание, что все уже позади, что завтра она снова будет прочесывать соцсети в поисках сплетен о целлюлите и силиконе, было невыносимо.

в России экстремистской организацией, ее деятельность на территории страны запрещена.

Юлита еще раз обновила страницу со своей статьей, чтобы проверить количество лайков. Ее преследовало смутное чувство вины, как того, кто зарекся есть конфеты, а через пять минут тянется за следующей. Она сама всегда смеялась над заикленностью Адама на статистике, за утренним кофе проклинала введенный им культ тепловой карты, но, когда никто не видел, судорожно проверяла те же цифры, что и он. Интересно, подумала она, будь во времена Боба Вудварда и Карла Бернстина⁹ интернет, мы бы тоже каждую минуту нажимали на F5, чтобы увидеть, сколько людей поставили сердечко или изумленную рожицу их статье о Уотергейте?

Комментариев и лайков прибавилось, но ненамного – было ясно, что пять минут славы Юлиты позади. Она еще раз отфильтровала комментарии: сначала самые последние. Как обычно: чем дальше, тем меньше их содержание было связано с исходной темой, а сами комментарии постепенно превращались во все более агрессивные нападки. Еще чуть-чуть, и кто-то кого-то сравнит с Гитлером. На этом точно можно заканчивать.

Нашлось одно исключение. Комментарий от пользователя `the_inquisitive_deer_2000`, опубликованный три минуты назад. Четкий, понятный и, не считая пробела перед запятой, грамматически правильный: “Ну не, что за бред. Никто в

---

⁹ Американские журналисты, авторы серии расследований, вошедших в историю как “Уотергейтский скандал”. В результате расследований Вудварда и Бернстина в 1974 году президент США Ричард Никсон был вынужден подать в отставку.

своём уме не стал бы входить в поворот на такой скорости. Дело смердит за километр. Но ясен пень, легче написать, что это несчастный случай. Люди, очнитесь!”

Ага, не хватало только теории заговора. Ну конечно, никто же просто так не погибает. Наверняка Бучека замочило лобби прививочников или боевые отряды феминисток. Юлита фыркнула, закрыла окно поисковика, и снова увидела на экране фотографию с места аварии.

Она еще раз взглянула на изуродованный автомобиль. Теперь, когда торопиться было некуда, когда не нужно было бегом-бегом сочинять текст, она не могла отделаться от впечатления, что что-то здесь действительно не так. Даже если Бучек был заправским гонщиком, он все равно должен был понимать, что выполняет крайне опасный маневр, что может не вписаться в поворот. Куда он так гнал? И зачем?

Юлита начала листать фотографии: на сей раз медленно, внимательно изучая каждую, хотя она и сама не понимала, что именно ищет. Автомобиль восстановлению не подлежал, но даже смоленская комиссия¹⁰ не сумела бы отыскать в нем признаки взрыва. *Клик*, номер. Ничего интересного. *Клик*,

---

¹⁰ Специальная группа, созданная для расследования обстоятельств крушения в 2010 году самолета Ту-154М, на борту которого находилась польская делегация во главе с президентом Польши Лехом Качиньским, направляющаяся в Смоленск на траурные мероприятия по случаю 70-й годовщины расстрела польских офицеров сотрудниками НКВД в Катынском лесу. В авиакатастрофе погибли все 96 человек, находившиеся на борту.

колесо. Колесо как колесо. *Клик*, крупным планом рука, часы. Юлита, по примеру детективов из телевизора, первым делом взглянула на разбитый циферблат и отметила время, на котором остановились стрелки... После чего хлопнула себя рукой по лбу. “Дура, ты же и так знаешь, во сколько случилась авария, – мысленно выругалась она. – Соберись!”

Юлита перевела взгляд на руку... И удивленно подняла брови. Ногти Бучека были в ужасном состоянии. Обломанные, стертые, все в крови. Странно. За время работы в желтом издании Юлита успела насмотреться на фотографии с места ДТП. Травмы бывали жуткие: открытые переломы, разбитые головы, распоротые животы. Но пальцы? Пальцы, а уж тем более ногти обычно оставались целы.

На всякий случай Юлита просмотрела неопубликованные фотографии с мест нескольких громких аварий последнего года, присланные агентством. Она была права. Отыскала в интернете фотографии Бучека, сузила период поиска до последнего месяца: Бучек обнимает жену (элегантный серый костюм, гель для волос, улыбка), Бучек на диване в утренней передаче (джинсы и толстовка, оживленно жестикулирует, видать, травит анекдоты). Приблизила руки. Ухоженные, аккуратно подстриженные ногти, словно только от маникюрши.

– Чашку забрать? – услышав голос пани Халины, Юлита вздрогнула.

– А? Нет, нет, я себе еще кофе заварю.

– Пани Юлиточка, дорогая моя... Восемь часов. Езжайте лучше домой, отдохните.

– Ох... Сегодня я, пожалуй, не усну.

– Что случилось?

Юлита встала из-за стола, взяла кружку.

– Это я и пытаюсь понять.

2

Буженина, салат айсберг. Паштет из тунца, кукуруза, майонез. Сыр, редиска, огурец. Юлита перебирала завернутые в пленку сэндвичи в поисках любимой булки с салями и болгарским перцем. Рядом уже выстроилась очередь из сотрудников со всего здания: одни держали пластиковые лоточки с домашними обедами, другие – хипстерские йогурты с семенами чиа и роллы с тофу.

Появление пана Багета было неизменным пунктом в привычном распорядке дня, настоящим ритуалом офисной жизни. Зеленый “фиат сейченко”, переделанный в автомобиль доставки, обычно подъезжал к зданию около десяти, но нервное ожидание ощущалось уже минут за пятнадцать до его прибытия. Сидевшие у окна то и дело поглядывали на улицу, остальным приходилось полагаться на девушек с ресепшн. При словах “ПАН БАГЕТ” люди вскакивали из-за компьютеров и быстрым шагом устремлялись вниз. Совсем бежать, конечно, не подобало – так позориться все-таки было нельзя, – но многие ускорялись, чтобы на повороте опередить конкурентов, а привычные принципы офисного этикета, как то придержать дверь лифта или пропустить в дверях, немедленно забывались. В белых воротничках просыпались атавистические инстинкты охотников и собирателей: кто первый, того и мамонт.

Пан Багет раздваивался и растраивался, словно индуистское божество с двадцатью руками. Он умел одновременно принимать наличные, выдавать сдачу, прикладывать карты к терминалу и вручать клиентам пластмассовые приборы. Под конец оставались лишь жалкие остатки, на которые можно было позариться лишь от отчаяния: открытый сэндвич в пленке, измазанной маслом, или пользующиеся дурной славой роллы с кебабом.

Юлита оказалась в середине очереди, и ей посчастливилось выцепить вожделенный бутерброд. Улыбаясь, она отсчитала мелочь, получила чек, который тут же смяла и выкинула в урну, после чего вернулась на четвертый этаж, в офис “Меганьюсов”. За это время приехала Мацкович. Юлита осторожно постучала в стеклянную дверь. Начальница пригласила ее войти.

– Да?

– У тебя есть минутка? Нужно поговорить.

– До совещания еще семь минут... – Мацкович взглянула на часы, измерявшие не только время, но и шаги, пульс и ритм сна. – Тебе хватит?

– Наверное.

– Тогда я слушаю. В чем дело?

– В Бучеке.

– М-м-м?

– Понимаешь... – начала Юлита. – Я знаю, что это прозвучит как дешевая сенсация, но... Мне кажется, это была

не просто авария.

– Дешевые сенсации оплачивают наши счета. – Мацкович откинулась на стуле, поставила ноги на стоящий под столом компьютер. На щиколотке у нее была маленькая татуировка, сова в очках. – Так что смелее.

– Я вчера снова разглядывала фотографии... И с его руками что-то не так. Они выглядят так, словно перед смертью... Я и сама толком не знаю... Он с кем-то подрался? Что-то скреб?

– Которая фотография? – Мацкович повернула монитор в ее сторону. На экране была папка с превьюшками.

– Сейчас. Вот эта.

Два клика мышкой, фотография открылась. Мацкович зажмурилась, поправила очки.

– Хм. А ведь и правда.

– Плюс он мчался на бешеной скорости, влетел в поворот, как псих... Может, он от кого-то убегал? Гнал за кем-то?

В стекло постучали. Юлита и Мацкович машинально взглянули в направлении двери. Адам давал понять, что через минуту начнется совещание. Начальница жестом отправила его восвояси.

– Ты понимаешь, что мы не можем выложить эту фотографию?

– Понимаю.

– А без фотографии история не работает.

– Да, собственно, поэтому... Я хочу внимательнее все изу-

чить. Немножко разнюхать.

Мацкович ответила не сразу. Она закрыла фотографию и повернула монитор обратно к себе.

– Юлита... Я знаю, что ты хочешь быть настоящей журналисткой. И я это уважаю. Но давай не будем себя обманывать... “Меганьюсы” – не то место, где ты сможешь реализовать свои амбиции. Мы здесь пишем не статьи-расследования, а лайфхаки, как добиться плоского живота и упругой попы. Если хочешь, я сведу тебя с кем-нибудь из редакции “Попшека”, можешь передать тему, тогда...

– Нет, – прервала ее Юлита. – Не хочу.

Мацкович забарабанила пальцами по столу. Она теряла терпение.

– Сколько у нас вчера было посетителей? – спросила Юлита. – Сто тысяч уникальных посетителей, триста тысяч просмотров! В три раза больше, чем в обычный день. И все благодаря одной статье!

– Дело не в статье. Дело в доносе. При всем уважении твой текст ничего не значил. Он нужен был просто для того, чтобы люди знали, на что смотрят. Его мог школьник написать.

Юлита отвернулась. И прикусила язык.

– А ты знаешь, сколько мы получаем за один клик в рекламу? – спросила Мацкович. – Адам тебе не говорил? Тридцать пять грошей. А кликают примерно четыре процента посетителей. А теперь посчитай, какое состояние мы сколотили на этих трехстах тысячах просмотров.

Большинство коллег Юлиты называли себя “гуманитариями”. Обычно это означало не обширные познания в области литературы и искусства, а скудные познания в области математики. Юлита, дочка учителя физики и бухгалтера, считала как калькулятор. Она быстро перемножила в голове приведенные Мацкович цифры. Получилось четыре тысячи двести. Брутто. А нужно было еще вычесть из этой суммы вознаграждение за донос, гонорар фотографа из агентства...

– Чтобы этот бизнес себя хотя бы окупал, каждый из вас должен выкладывать несколько текстов в день. Если тебя нет в офисе, ты не пишешь. А если ты не пишешь, ты приносишь убитки.

– А если я буду работать над этой темой после работы? В свободное время?

Мацкович встала из-за стола, подвинула стул.

– В свободное время ты можешь быть Орианой Фаллачи¹¹, – отрезала она. – При условии, что это не повлияет на твою работу в “Меганьюсах”. Юлита... Ты хорошо работаешь, в январе будут ежегодные собеседования. Не провали их, ладно?

– Конечно. А... А если я что-то найду?

– Тогда, конечно, я это опубликую. – Мацкович замолчала, точно о чем-то задумалась. – И выдам тебе маленькую прибавку к зарплате... В размере ставки, которую мы обыч-

---

¹¹ Ориана Фаллачи (1929–2006) – итальянская журналистка, писатель. Участница итальянского Сопротивления в годы Второй мировой войны.

но даем за присланную информацию. По рукам?

Тысяча пятьсот злотых! За один текст! Юлита долго не раздумывала.

– По рукам.

– Тогда иди, пока Адам не утомил всех до смерти.

Заместитель директора и правда уже приступил к одному из своих знаменитых монологов. Словно увлеченный собственным пением и не замечающий ничего вокруг глухарь, Адам предавался рассуждениям, густо приправляя их жаргоном, – таргеты, кипиай, бернрейт. И не видел ни пустых глаз, ни еле сдерживаемой зевоты.

К явному облегчению собравшихся инициативу перехватила Мацкович и начала распределять темы. Она заказала еще парочку текстов-воспоминаний о Бучеке, в том числе один Юлите, что-то о беженцах, о предстоящем бое Пудзяновского в лиге ММА и модных советах на зимний сезон. Затем настал черед нативной рекламы, то есть спонсорских текстов, замаскированных под статьи. На сей раз нужно было написать текст о превосходстве электрических зубных щеток над традиционными и как бы случайно упомянуть марку и модель, указанную рекламодателем. К счастью, это задание досталось кому-то другому. Юлита уже писала для “Меганьюсов” о всяких глупостях, но ничего она не стыдилась больше, чем заказного рейтинга томатной пасты. Знакомые до сих пор донимали ее цитатами из того текста. “Томатная паста *Pomodoro* с насыщенным вкусом и интенсивным аро-

матом – превосходная основа для супов и соусов. Ммм! Хоть ложками ешь!”

– Ах да, вот еще что, – вспомнила Мацкович под конец встречи. – У меня есть приглашение на премьеру фильма “Папа. Человек, ставший святым”. На сегодня, а у меня не получается... Вуйчицкая? Хочешь пойти вместо меня?

Вырванная из задумчивости Юлита засомневалась. Вообще-то вечером она собиралась немного поработать, начать свое расследование... Хотя, с другой стороны, один день ничего не изменит, а следующий случай оказаться среди звезд может представиться не скоро.

– Конечно, хочу.

– Тогда договорились. – Начальница передала ей изящный конверт из глянцевой бумаги. – А теперь за работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.